

УДК 821(112.2+161.3).0

Л.М. Садко

канд. филол. наук, доц. каф. русской литературы и журналистики
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: konovod1@yandex.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КАНОНА:
«АНЕГДОТЫ ИЗ ЖИЗНИ ПУШКИНА» Д. ХАРМСА,
«ОБЫЧНЫЙ РИЛЬКЕ» Э. ЯНДЛЯ, «УКЛЯСЫКІ» АНКИ УПАЛА**

Демифологизация реальности, обнажение ее истинных механизмов, которые закамуфлированы официальными идеологическими и эстетическими представлениями, характерные эстетике авангарда, неоавангарда, постмодернизма, ярко проявили себя в творчестве Д. Хармса, Э. Яндля, Анки Упала в провокативном осмыслении фигур литературных классиков – А. Пушкина, Р.-М. Рильке, Якуба Коласа и Янки Купалы. В «Анегдотах из жизни Пушкина» Д. Хармса, в цикле Э. Яндля «Обычный Рильке», «Уклясыкі» Анки Упала происходит актуализация позитивности непонимания, генерация нового языка описания культурных феноменов – нонсенса и абсурда.

Введение

Предметом комического изображения в художественном пространстве авангардистской литературы зачастую оказываются имена или понятия, канонизированные культурой, смеяться или иронизировать над которыми «не полагается». Эстетика эпатажа, провокации близка и одному из самых известных русских писателей нонсенса Д. Хармсу (1905–1942), австрийскому поэту-конкретисту Э. Яндлю (1925–2000), ряду современных белорусских авторов (Анка Упала, 1981; Всеволод Горячка, 1968; др.).

Бессмыслицей с точки зрения традиционных представлений могут показаться истории из жизни великого русского поэта А. С. Пушкина, которые Д. Хармс назвал «Анегдоты из жизни Пушкина». Сознательно сближается «высокое» искусство с лубочными простонародными историями и в цикле Э. Яндля «Обычный Рильке».

Неожиданные портреты классиков белорусской литературы, «альфа-писателей» Янки Купалы и Якуба Коласа созданы в цикле «Уклясыкі» Анки Упала («Уклясыкі: Колас, Купала і пачэсны пасад», «Уклясыкі: “Паўлінка”», «Уклясыкі: Як Колас і Купала бралі Смаленкс»).

Необходимо обратить внимание, что к изначально нелепым, бессмысленным – нонсенсным – ситуациям, созданным пером Хармса, классическая наука подходит все же хрестоматийно и однобоко. Тексты-нонсенсы интерпретируются как иносказания, пародии, обладающие хоть и скрытым, но ясным и логизированным смыслом.

Пользуясь определением категории нонсенса, подчеркнем, что герой цикла «Анегдоты из жизни Пушкина» Д. Хармса не пародийный Пушкин обывательской культуры, а непостижимый и самодостаточный иероглиф. Известный современный литературовед О. Лекманов, исследуя возможные источники этого хармсовского цикла, отмечает, что писателя «должна была заинтересовать сама форма («жанр») тех отрывков, из которых, как известно, состоит книга Вересаева («Пушкин в жизни: Систематический свод подлинных свидетельств современников». – Л. С.). Эти короткие, часто полные приземленно-бытовых подробностей микроновеллы своим строением и лексикой сходны с рассказами, составившими прозаический цикл Хармса «Случаи» [1].

Чем более детально и натуралистично воссоздает нюансы и подробности Д. Хармс в «Анегдотах», тем более нелепый вид приобретают в этих историях герои, носящие исторические имена, тем большей художественной автономии достигает творимый Хармсом литературный мир. «Анегдоты» демонстрируют именно «создание

алогичного фантастического мира – шаг за пределы поэтических миров предшественников» [2, с. 276]. *«Лето 1829 года Пушкин провел в деревне. Он вставал рано утром, выпивал жбан парного молока и бежал к реке купаться. Выкупавшись в реке, Пушкин ложился на траву и спал до обеда. После обеда Пушкин спал в гамаке. При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал пальцами свой нос. А вонючие мужики ломали свои шапки и говорили: “Это ничаво”»*. В этом тексте тщательно выписан хронотоп: якобы доподлинно определено время действия, топографические и бытовые приметы, однако «зарисовка с натуры» воспроизводит некую псевдореальность, условный мир нонсенса, не имеющего, конечно же, никакого отношения к биографии поэта. Пушкин – это только имя, сообщающее привычным описаниям («молоко», «река», «травы») алогичность.

В первом же анекдоте примитивистские формулы: *«Пушкин был поэтом и все что-то писал»* и *«Да никак ты писака!»* – выводят Пушкина из круга «великих идей», помещая его в пространство «чистого» и вполне самодостаточного письма. Следующие три анекдота варьируют мотивы увечья (*«Когда Пушкин сломал себе ноги...»*), отвращения (*«При встрече с вонючими мужиками Пушкин кивал им головой и зажимал себе нос»*) и, наконец, прямого насилия (*«Пушкин любил кидаться камнями»*).

Ситуации, легшие в основу миниатюр Д. Хармса, с точки зрения здравого смысла представляют собой описания бессмысленных случаев, противоречащих законам строгой логики. Все тексты демонстрируют нарушение причинно-следственных отношений. Зачины, подробно детализированные, с большим количеством бытовых подробностей, нацеливающих читателя на информативное и занимательное чтение, продолжают на уровне фразы невероятными сообщениями и неожиданными концовками. В подобных текстах Хармса «средний член» между правдоподобным началом и невероятным финалом – середина, которая объяснила бы читателю текста, как «такое» могло случиться, – отсутствует. Философ Бенъямин называет подобную ситуацию «сопряжением оппозиций» (отождествлением противоположностей).

Особенность «Анекдотов» состоит в том, что Даниил Хармс представляет различные варианты своего хаоса от его житейского понимания к философскому. Литературные находки Д. Хармса заключаются в том, что он создает свой художественный мир нонсенса с помощью оригинального рассказывания и языковых аллегорий. Как итог – мотивы абсурда и трагического смеха, смещения и размывания смыслов, а также попытка выйти путем деконструкции ценностей-идеалов к новому миропониманию.

Сквозной мотив отсутствия ориентиров, неспособности традиционной системы ценностей служить образцом для подражания в современной духовной и общекультурной ситуации нашел отражение в создании цикла стихотворений Э. Яндля «обыкновенный Рильке» (сохранена традиция письма конкретизма без заглавных букв и знаков препинания – Л. С.). Сам заголовок цикла содержит в себе иронию, двусмысленность. Эпитет «необыкновенный» стал постоянным в литературоведении по отношению к роли и месту творчества Р.М. Рильке в мировом литературном процессе. Примерно в это же время, когда написаны стихи цикла, на страницах литературных журналов Германии обсуждается вопрос «опасен ли Рильке?». По сути, в метафорической форме это выражение извечной мысли: «Опасен ли кумир?». К. Рихтер, один из молодых литераторов, отмечает: «Да, Рильке опасен. Опасен как образец, как искуситель, как кумир. Рильке препятствует движению вперед. Рильке сковывает. Рильке – это плотина, огромный вал, о который разбиваются набирающие силу волны» [3, с. 487].

Э. Яндль предпринимает попытки вернуть Рильке-стереотипу, Рильке-шаблону жизненность, человечность, конкретистское совпадение означаемого и означающего, слова и значения. От классического великолепия поэта «вещей», каким представлен Рильке во всех хрестоматиях, в трактовке Э. Яндля остаются сами вещи: башмаки

Рильке, воздух Рильке, нос Рильке, стакан Рильке. Объектом изображения в стихах цикла «Обычный Рильке» становятся только самые обыденные предметы, которые окружают любого человека, и самые примитивные действия, которые совершает любой без исключения человек в повседневной жизни.

Автор, как и заявлено в заголовке, делает своеобразные зарисовки с натуры, создает микрорассказы о совершенно бытовых случаях из жизни не Рильке-поэта, а Рильке-человека:

стакан рильке

рильке взял стакан
налил воды
поднял к губам
выпил (*Перевод А. Глазовой*)

Эта нарочитая бессобытийность вступает в противоречие с читательскими ожиданиями, в глазах которых поэтический текст непременно должен содержать некую глубокую философию или хотя бы осмысление некоей ситуации.

Есть в цикле Э. Яндля и стихи намеренно телесные, не физиологические в натуралистически-сниженном смысле, а именно телесные – с простой констатацией наличия рук, глаз, носа и т.д. у великого поэта, что при всей нормальности само по себе вызывает удивление:

рука рильке и рука рильке
повисли на рильке

рука рильке в руке рильке
одна в другой

рука рильке в другой руке
в приветствии

рука рильке у рта рильке
он ее осязает (*Перевод А. Глазовой*)

Ряд стихов повествует о предметах, которыми с большой долей вероятности Рильке пользовался буквально каждый день, только такие подробности не стали достоянием хрестоматий и учебников из-за своей обычности:

окно
открыл он
высунул голову
втянул голову в комнату
закрыв окно (*Перевод А. Глазовой*)

Своеобразный вызов традиции и ценностям культуры предшествующих эпох звучит уже в псевдониме Елены Козловой – современного белорусского писателя и переводчика. Ее литературный никнейм – результат многоаспектной языковой игры (графической, фонетической, семантической) с антропонимом «Янка Купала». В итоге появилась достаточно провокативная Анка Упала. В сборнике «Дрэва энталіпт» тексты также созданы на основе законов лингвистической креации. Л. Витгенштейн отмечает, что «языковая игра – это определенная модель коммуникации или конституция текста, выход за пределы которой ведет к разрушению данной коммуникационной системы» [4, с. 175]. Анка Упала, обращаясь к фигурам Янки Купалы и Якуба Коласа, по законам игровой поэтики занимается трансформацией классических мифов белорусской литера-

туры и культуры. В современных условиях кризиса идентичности, «текстуальной революции», признания приоритетности хаоса, двусмысленности, игры в процессах смыслопорождения цикл «Уклясыкі» представляется, по словам Т. Гридиной, «возможностью творческого отхода от стандартных способов выражения самосознания языковой личности» [5, с. 8]. Базовый образ поэтов-титанов отечественной литературы «нагружается» в текстах-нонсенсах Анкой Упала дополнительными коннотациями из палитры категории комического, подчеркнутой бытовой детализацией: *«Спачатку трэба пад'есці, – Колас пакорпаўся ў чамадане і з крыкам «А-а-а!» двума пальцамі выцягнуў адтуль цяжкі і набрынялы чымсьці беларуска-расійскі слоўнік. З падарункавага выдання сцякалі кроплі незразумелай вадкасці. Гэта быў форс-мажор: кансерваваныя келькі (прынамсі, так падалося Якубу) прарваліся вонкі, і кніжка наскрозь набрыняла расолам з келькіным водарам»*.

Автор играючи создает невероятные сцены, наделяет знакомых персонажей нехарактерными чертами, использует разрушающую силу комизма как способ борьбы с доминирующим восприятием литературы и культуры. Янка Купала и Якуб Колас по разным причинам в вульгаризованном массовом представлении давно выступают своеобразными трудноразличимыми близнецами, персонажами общего произведения. Именно этот аспект и обыгрывает Анка Упала, объединяя в общем цикле этих героев-иероглифов, великих белорусских писателей: *«Мала хто ведае, што аднойчы Янка Купала і Якуб Колас разам з'ездзілі ў Маскву з дыпламатычнай місіяй. Купілі ўклясыкі дзве плацкарты (верхнія паліцы) і паехалі»*.

Нелогичное как инструмент борьбы с инерцией восприятия задействовано в тексте «Уклясыкі: “Паўлінка”». Привычные коллизии этой пьесы вызывают смех, поскольку главную героиню – Павлинку должна играть (в духе театра абсурда) елка, а роли прочих героев достались не совсем обычным актерам: *«Ішла рэпетыцыя знакамітай купалаўскай п'есы «Паўлінка». Колас быў за рэжысёра, Купала – за героя-палюбоўніка, елка – за выканаўцу галоўнай жаночай ролі. Паводле рэжысёрскай задумкі, Паўлінка мусіла выглядаць недатыкальнай і надзвычайна бадзёрыць закаханага ў яе Якіма. Было заўважна, што елка няблага спраўлялася з ускладненымі на яе абавязкамі... Прэм'ера спектакля прайшла выдатна, публіку абаяла колкая ў сваёй ролі елка і інтрыгавала падрапанае чало героя-палюбоўніка»*.

Заклучение

И «Анегдоты из жизни Пушкина» Д. Хармса, и «Обычный Рильке» Э. Яндля, и «Уклясыкі» Анки Упала пародируют обывательские представления о великих писателях, протестуют против монументализации и мифологизации Пушкина, Рильке, Купалы и Коласа, против создания своеобразной популярной мещанской легенды о великих классиках. В подобных произведениях игровое, гротескное, анекдотическое повествование демонстрирует доведенное до абсурда массовое представление, точку зрения большинства на литературные и культурные явления в целом. Пародия и ирония в данном случае нацелены на обывательское изоморфное представление о Пушкине, Рильке, Купале и Коласе как о бронзовых фигурах, начисто лишенных сколько-нибудь живых черт и глубоких трактовок.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лекманов, О. Об одном источнике «Анегдотов из жизни Пушкина» Даниила Хармса [Электронный ресурс] / О. Лекманов // Объединенное гуманитарное издательство Ruthenia. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/383071.html>. – Дата доступа: 15.09.2017.

2. Боров, Ю. Б. Эстетика. Теория литературы : энцикл. словарь терминов / Ю. Б. Боров. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 575 с.
3. Schnell, R. Geschichte der deutschsprachigen Literatur seit 1945 / R. Schnell. – Stuttgart : Metzler, 1993. – 609 s.
4. Баранчик, Ю. В. Витгенштейн Людвиг / Ю. В. Баранчик, А. А. Грицанов // История философии : энциклопедия / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. – Минск : Интерпрессервис : Книжный Дом, 2002. – С. 174–176.
5. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. – Екатеринбург : УрГПИ, 1996. – 214 с.

Sadko L.M. Transformation of the Canon: «Anegdota from Pushkin's Life» of D. Kharms, «Ordinary Rilke» of E. Yandl, «Uklyasyki» of Anka Upala

In article strategy the letters sent on an experiment and innovation in works by «Anegdota from Pushkin's life» of D. Kharms, «Ordinary Rilke» of E. Yandl, «Uklyasyki» of Anka Upal are considered. Reality demythologization, exposure of her true mechanisms which are camouflaged with official ideological and esthetic representations characteristic to an esthetics of vanguard, neovanguard, postmodernism, have brightly proved in D. Kharms, E. Yandl, Anka Upala's creativity in provocative judgment of figures of literary classics – A. Pushkin, R.-M. Rilke, Yaqub Kolas and Janka Kupala. In the stated texts there is an updating of positivity of misunderstanding, generation of a modern language of the description of cultural phenomena – a nonsense and absurdity.